

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის

გ მ ა გ ზ ე

ტომი II № 7

СООБЩЕНИЯ

АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ТОМ II № 7

MITTEILUNGEN

DER AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN DER GEORGISCHEN SSR

BAND II Nr 7

გეორგიელი 1941 თბილისი
T B I L I S S I

И. В. АБУЛАДЗЕ и Х. Г. ШАРАШИДЗЕ

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНИ И РОДИНЕ РУСТАВЕЛИ

(Предварительное сообщение)

Памятники древней грузинской культуры дошли до нас далеко не во всей своей полноте и многообразии. Работа над первоисточниками древнегрузинской литературы выявляет все новые и новые материалы в этой области. Можно назвать хотя-бы замечательное произведение грузинского писателя X века Георгия Мерчули «Житие Григория Хандатийского», извлеченное акад. Н. Я. Марром из патриаршей библиотеки в Иерусалиме [1]. Чрезвычайно важно для науки также и открытое академиком И. А. Джавахишвили сочинение т. н. второго историка царицы Тамары, дошедшее до нас в отрывках [2]. Об этом литературном и историческом документе имелось упоминание у известного грузинского деятеля XVIII века Антония I, который полагал, что «Житие царицы Тамары» принадлежит перу Шота Руставели [3].

Многие памятники грузинской письменности не дошли до нас потому, что они подвергались уничтожению, главным образом, во время вражеских вторжений. Вследствие этого монгольский период (XIII—XV вв.) сохранил нам весьма мало памятников грузинской письменности. А то, что сохранилось, дошло большей частью в фрагментах. Между прочим, за этот период мы не имеем ни одного списка гениальной поэмы «Вепхис-Ткаосани» (Витязь в тигровой шкуре), произведения XII в. Хорошо известно, что автор этой поэмы—Руставели, как это засвидетельствовано в прологе и эпилоге поэмы. Но как звали его? Откуда он был родом? К какой социальной среде принадлежал он? Ответов на эти вопросы не дают ни сама поэма, ни документы эпохи, близкой к Руставели. По этой причине некоторые из руставелистов дошли даже до утверждения, будто все, что нам известно о великом поэте, не уходит дальше традиционных взглядов, зафиксированных в XVII в. [4]. Но развернувшиеся в последние годы углубленные разыскания опровергают подобные утверждения. Открываются новые факты и документы, которые проливают свет на некоторые стороны руставелистики, в частности, намечают новые пути для разрешения вопросов биографического характера, происхождения и родины великого грузинского поэта.

Один из этих документов—«Ода Садгерскому Георгию», открыт нами в марте 1940 года. В палеографическом отделении Музея Грузии в Тбилиси хранится уникальная рукопись (Н 1572), переписанная в последней четверти XV века. В ней имеется поэтическое произведение духовного со-

держания: «Восхваление Георгия Победоносца», приложенное в качестве записи («андердзи») к «Житию» этого святого. Само «Житие» — переводного происхождения, возникшее гораздо раньше написания «Восхваления». «Ода» не дошла до нас полностью: в конце, по видимому, не хватает нескольких строф. Сохранилось всего 24^{1/2} четверостишия. «Ода», как и все «Житие», писана почерком «пущури». Дата возникновения означенной оды (конец XV в.) выясняется благодаря упоминанию в ней ряда исторических лиц. Место написания памятника — с. Садгери (близ Боржоми), входившее тогда в Южную Грузию, именовавшуюся Месхетиею.

Ода в честь Садгерского Георгия писана шестнадцатисложным стихом шаири — размером руставелевской поэмы. Подражание автору «Вепхис-Ткаосали» сказывается не только в складе стиха, но и во всем творчестве нашего автора. Попадают строфы, сходные с отдельными стихами Руставели. Известно, что руставелевский шаири в последующие века становится господствующей формой грузинской светской поэзии. Но наш памятник любопытен и тем, что он является первым известным опытом внедрения этого размера в духовную поэзию.

Имя автора оды — Симеон, как об этом не раз заявляет он в своем произведении. Он — церковный служитель, «деканоз» Садгерской церкви. По словам автора, он много потрудился для церкви Садгерского Георгия Победоносца: вместе со своим братом он пристроил к церкви придел, реставрировал древнюю икону Георгия Победоносца и оковал серебром крест его же имени, причем над окладом этого креста мастера работали в продолжение трех лет. Олописец получил материальную помощь от владельца Месхетии «патрона» Кваркваре и другого крупного феодала, некоего Спиридона (Сифридона).

Симеон — не случайный служитель культа Садгерского Георгия. Неразлучное сопутствие кресту и мощам этого святого лежало, как заявляет Симеон, на обязанности его предков и составляло почетную должность целого рода. В «Оде» несколько раз подчеркивается: «мы именуемся деканозами» («ჩვენ შოთასძენი მის კარსა ვართ დეკანოზად ვმობილი»), «на нас лежит долг служения Вам» («ჩვენ გუარჩამო შოთასძეთა გუქირვებია თქუენი ხლება»), «мы охраняем врата церкви» («ჩვენ შოთასძეთა გვოხენ, ამ თქუენთა კართა მცველთაო») и т. п. Но автор выдвигает не только это потомственное служение кресту Георгия Победоносца, но и свою генеалогию: «по происхождению мы — Шотасдзе» («ჩვენ ორთავ ძმათა გვლხინენ, გუარჩამოთ შოთასძეთაო»). Последнее обстоятельство подчеркивается автором с исключительной силой. Так как среди крупной феодальной знати XIV—XV вв. фамилия Шотасдзе нам неизвестна [5], невольно напрашивается мысль: чем же кичится наш поэт? Почему род Шотасдзе внушает ему фамильную гордость? На этот вопрос, по нашему мнению, дает ответ четверостишие, на котором

обрывается ода: „დასაბამითგან გზღვდივარო, კებით ვართ მოკამათებნი...“ [«С самого начала сопутствуем тебе (Георгию Победоносцу), мы, слагающие восхваления»]. Из этого можно заключить, что одописец XV в. свой род возводит к великому творцу бессмертной поэмы «Вепхис-Ткаосави»: Шотасдзе — потомок Шота.

Потомки рода Шотасдзе (Шотадзе) известны и по сие время, но живут они не в Садгери (в Месхетии), а в Западной Грузии, именно в м. Чхари и его районе. Этот род по всем данным здесь является пришлым. После открытия нашего памятника естественно встает вопрос об отношении чхарских Шотасдзе к месхетским. Сопоставление фактов выясняет весьма тесную связь между ними. Связь эта устанавливается благодаря тому же кресту, в честь которого слагал стихи наш Симеон и над окладом которого работали три года. Крест этот до 1924 г. находился в м. Чхари, ныне же хранится в Тбилиси, в Музее Искусств «Метехи»¹. Надпись креста повествует, что серебряный его оклад был сделан Симеоном и братом его Василием Шотасшвили во времена владычества («патронства») атабека Кваркваре и Спиридона. Нет сомнения, что одописец Симеон Шотасдзе — то же самое лицо, что и Симеон Шотасшвили в надписи (окончания «-дзе» и «-швили» обычно чередуются в среднегрузинских фамилиях).

Самое раннее свидетельство о нахождении упомянутого креста в Чхари имеется в книге «О посольстве стольника Толочанона и дьяка Исвлева» (1650—1652 гг.). При описании чхарской церкви здесь говорится: «в церкви у царских дверей крест, аршина в два вышиною, обложен серебром, позолочен. А в том кресте мощи в Ковчеге в золотом великомученика Георгия, кость главный череп... [6]. Это описание относится к 1650—52 гг. и свидетельствует, что род Шотасдзе сидел в Чхари уже в первой половине XVII в. Он, повидимому, выселился сюда еще во второй половине XVI в., ибо известно, что в связи с вторжениями турок в пределы Южной Грузии, волна переселенцев хлынула из Месхетии в Западную Грузию именно во второй половине XVI века.

Шотасдзе (Шотасшвили) жили в древности не только в одном пункте Месхетии. Садгери, но обитали и в центральных районах этой области. Об этом свидетельствует одна дарственная грамота (ок. 1575 г.), из которой видно, что Тамара Амилахвари жертвует Месхетской кафедрале в Ачхури деревню Цниси с ее жителями по фамилии «Шотасшвили», со всем их имуществом, движимым и недвижимым [7]. Таким образом, этот месхетский род до 1575 г. находился еще в своем родном крае, а после 1575 г. был выселен в Западную Грузию.

Известный ученый XVIII в. царевич Вахушти сообщает, что Чхарский крест (т. е. предмет, воспетый Симеоном Шотасдзе) «сначала

¹ На существование этого памятника указал нам проф. Ш. Я. Амиранашвили

находился в Коранта, затем в Самцхе (Месхетии), потом в Атопи, а ныне находится здесь (в Чхари)» [8]. Если это сообщение верно, то выходит, что крест этот не месхетского происхождения, а доставлен в Самцхе из Коранта, которая находится недалеко от нынешнего Люксембурги, севернее Болниса, на левом берегу р. Машавера. Следовательно, садгеро-чхарский крест, эта родовая святыня Шотасдзе, раньше чем попасть в Месхетию, находилась в Коранта. Поэтому, становится понятным упоминание одописца о том, что род Шотасдзе постоянно «следовал» за крестом и охранял его. В надписи упоминается также о тех мытарствах, которые пришлось перенести этому роду, всюду следовавшему за своей святыней. Выясняется, таким образом, что предки одописца Симеона — выходцы из восточного района Грузии (Картли) и, обосновавшись в соседней Месхетии, жили там до второй половины XVI в.

Итак, наша ода, вместе с другими упомянутыми историческими документами, дает основание для следующих выводов:

1. Одописец XV в. Симеон Шотасдзе (или, что то же, Шотасшвили), представитель одного из месхетских родов, не принадлежавших к высшей знати, считает себя потомком великого грузинского поэта XII—XIII вв. Тем самым,

2. Первое упоминание имени великого поэта — Шота — мы имеем уже в XV в.

Эти выводы выдвигают новые вопросы о личности творца «Вепхисткаосапи», а) был ли месхом также сам Шота Руставели? б) к какой социальной среде принадлежал поэт? и др. Пока нет достаточных данных для того, чтобы категорически утверждать что-либо в этом отношении. Но наш памятник, хронологически самый близкий к эпохе Руставели, во многом подтверждает сведения авторов XVII—XVIII вв. и поддерживает традиционный взгляд об племени и родине Руставели. Выясняется, что имя Шота не случайно связано с великим мастером грузинского художественного слова; также не случайно то, что традиция считает его месхом. Кроме того, новооткрытый литературный памятник намечает также те пути, по которым следует продолжать поиски материалов, касающихся личности великого поэта.

Это — одна сторона значения нашего памятника. С другой стороны, он важен и тем, что происходит из той мрачной эпохи, от которой почти ничего не сохранилось в области литературного творчества. С этой точки зрения «Ода» месхетского поэта XV в., которую полностью приводим ниже, является живым свидетельством того, что тяжесть эпохи монгольского ига и невзгоды последующих веков не смогли целиком сломить творческую энергию грузинского народа. Есть полная надежда, что дальнейшие разыскания в этой области откроют новые памятники как духовной, так и светской литературы.

1. ვიწყით ცხორება.—წმიდის(ა)გიორგის მეოხებანი, მოდევით ბრძენნი. რიტონნი⁽¹⁾. დაებერნეთ. დაჰკარნეთ ებანნი, პირველად ღმერთი ვაკენო⁽²⁾. მალლოთგან ზე განგებანი. და მერმე ეთქმათ სასწაულობა, წმიდის გიორგის ქებანი.

2. ვაქოთ, ვადიდოთ მაღალი. ქალწულისაგან შობილი, ანგელოზთაგან ემობილი, წინმეტყუელთაგან ქებული, დიდი ბრწყინვალე⁽³⁾ გიორგი მის მიერ არს შემკობილი, და ჩუენ შოთასძენი მის კარსა ვართ დეკანოზად ემობილი.

3. ეჭლა მოვისმუნდეთ ქებასა წმიდისა გიორგისასა. ვინ ქმენა ურიცხვ⁽⁴⁾ კურნება ქალაქსა ლასიისასა. აწ. შორწმუნენო, ეაქებდეთ სახელსა სამებისასა. და შევამკობდეთ გიორგის უბრწყინვალესსა⁽⁵⁾ მხისასა.

4. აწ, წმიდაო მოწამეო, როდეს კორციით იქცეოდი. ეკრპთ ბოზონნი შენ დაამკულენ⁽⁶⁾ და ეშმაკთა შეიპყრობდი. შენ წარბართნი მოაქციენ. სამებასა ქებით ჰკობობდი, და აქ მოსტენდა თხემი შენი და ტაძარსა მოიწყობდი.

5. მე. სკვიონ დეკანოზმან ვიწყო შენი ბრწყინვალეობა⁽⁷⁾, ეთქმა, თუ მომკემს გონებასა. ანუ შეშწევს-რე განგება, ყოვლთა თემთა ცის კიდემდის ჰფარავს შენი მეოხება. და ჩუენ გუარჩამო შოთასძეთა გუპირეებია თქუენი ხლება.

6. აწ, წმიდაო, ეს სადგერი შენ ირჩიე წილად შენდა. თუთ ბრწყინვალე⁽⁸⁾ გტამი შენი განათლდა და აქ დაშენ[და], შენ მოჰტინე ძლევა შენი, მით ეს თემი და-ცა-შუენდა⁽⁹⁾, და ყოვლსა თემსა უხაროდა. ვინცა ამას მოისმენდა.

7. აქ აღიშენე, მკურნალო, სადგურად ეს ტაძარია. ყოველთა თემთა გაითქმა შენ სასწაულთა ზარია. ცის კიდეთამდის⁽¹⁰⁾ აქ მოვლენ. სადაც⁽¹¹⁾ არს ემელთ სამშლურაია, და თურქთა, სპარსთა და არაბთა გამართეს აქ ბაზარია.

8. ემა გაისმა. მოწამეო. შენი ოზი ყოვლგნით კურაია⁽¹²⁾. ყოვლგნით ისმის ქება შენი ცის კიდემდის ზღვსა⁽¹³⁾ პირსა, [აქ]ა მოვლენ კეთროვანნი, სენი მძაფრი რაცა სკირსა, და მზიარულად წაელენ შინა, შენ განკურნებ ყოვლსა პირსა.

9. ყოველი სჯული⁽¹⁴⁾ აქ მოვლენ სპარსთა და არაბებისა, ლეგეონთაგან პყრობილნი, შენსა კარხედა გებისა. ყოვლთა მიხუდების⁽¹⁵⁾ წყალობა შენგანვე განკურნებისა, და მათ თემსა მიელენ, სახელელი შენი მუნ იდიდებისა.

10. ჩუენ ორთაე ძმათა (გვლბინენ) გუარჩამოთ შოთასძექთაო, შენ განანათლე ქმეყანა, ქტე⁽¹⁶⁾ მინდორი და ზე მთაო. ელაყავით გება ტაძრისა⁽¹⁷⁾ ამ შენთა კარის ბჰეთაო, და დაიციე სული, მკურნალო დედა-მამათა ჩუენთაო⁽¹⁷⁾.

В рукописи: (1) რიტონნი; (2) ვახსენო; (3) ბრწყინვალე; (4) ურიცხვი; (5) უბრწყინვალესსა; (6) დაამკულენ; (7) ბრწყინვალეობა; (8) და-ცა-შუენდა; (9) ცის კიდეთამდის; (10) სადაცა; (11) კურსა; (12) ზღვისა; (13) სჯული; (14) მიხუდების; (15) ქტე; (16) ტაძრისა; (17) ჩინთანი.

11. ორ წელ ვაგე, მივყავ კელი, გაეთავეთ კარის ბქეო, შეგტაწიე⁽¹⁾ ძალი შენი, შენე იყე ჩტენი ბრქეო, მცირე ძლტენი⁽²⁾ შეიწირე, რომელი ხარ მალლით მწეო, და მოგტაშორე, მოწყალეო, უფსკრულისა სივიწრეო.
12. ესეც კელეყვე მე, სვ მიონ, და მოვექდე სამბთქეველი⁽³⁾, ძალი შენგან შემეწია, ადილათ ვქენ საქმე ძნელი, ხალასითა გაეამყარე, ახლად შეექენ ხატი ძტელი⁽⁴⁾.
[და] ყტელა ყოვლანით შემეწია⁽⁵⁾, მაღალიმც-ა მათი მცველი.
13. მე მოვექდე ჯტარი მკსნელი, დავასტენე⁽⁶⁾ და-ცა-ვენერგე, მცირედ საძლნოთ შემოგწირე, ამა ზედა რაც წავაგე, თუ რამ აქა მოვივმარე, საუჯუნოს დავაბერგე⁽⁷⁾.
და ნუთუ სული მე ცოდვილი მუნ ცეცხლითა არ დავდაგე!
14. მოვექდე და გა-ცა-ბრწყინდა⁽⁸⁾ უძლეველი მკსნელი ჯტარი, რომელია მორწმუნეთა და მეფეთა წინამძღუარი, მაცხოვარმან ჯოჯოხეთი წარმოსტყტენა, განკდა ხარი, და ამით იქმნა, ბნელიდალმან გამოიკსნა!⁽⁹⁾ მკსნელმან ჯტარი.
15. ჯტარო, ქრისტეო მაღალო, მწეო, ყოველთა მწეთაო, გელესისა⁽¹⁰⁾ ზლუდეო, ჩამგდებო საძირკტელთაო, საქურველო და მფარველო ყოველთა მორწმუნეთაო, და ჩტენ შოთასტეთა გვობენ, ამ თქტენთა კართა მცველთაო.
16. ყოვლად წმიდაო მარიაო, ტაძარსა დავმსგავსეო, - დაუტენელი იტკრთე, იქმენ ნათლითა სავსეო, ზეცისა გუნდთა მთავართა მკვდრად ხარ შენ მოდასეო, - და აწ გვედრებით, საკმილი უშრეტი შენ დავკვსეო.
17. მე, სვ მიონ დეკანოზმან, აწ უფროსი სბტა გაეავე, ზოთ მოქედა დავაპირე, ნუთუ სული არ დავკარგე!
ყტელა ყოვლანით შემეწია, საქონელი მოვიბარგე, და ვინც მოხვიდეთ⁽¹¹⁾ შენდობითა, ალახტენით⁽¹²⁾ ჩტენთვს ბაგე.
18. აწ წმიდისა გიორგისი მე მოქედა დავაპირე, ყოვლანით წაველ, მოვითხოვე, თავი ჩემი გავაგზირე, რაცა მქონდა მოვაემარე, არცა თავი დავაძკრე, და ხალასითა გაეამყარე, არ საილენძი გავატყვე.
19. მოვაესენე⁽¹³⁾ და პატრონმან ყტარყტარეცა დამართო ნება, მან მიბრძანა ამ ხატისა მოქედა და გადიდება, [ხატ]მან მისცა მტერთა ზედა ძლევა, დიდად გამარჯტება⁽¹⁴⁾, - და ყოვლთა ჯანთა შეეწევის მასცა მისი მეობება.
20. მაშინ გადიდა და ახლა ჩაუგდო საფუძველია, მან შემოსწირა, მოართა ოქრო და ვერცხლი ძლტენია⁽¹⁵⁾ მითა შეემართე ადვილად, საქმე ვქენ მეტად ძნელია, და მაღალმან ღმერთმან დაიცუნეს პირმშონი მათნი ძენია.

В рукописи: ⁽¹⁾ შეგვაწიე; ⁽²⁾ ძლტენი; ⁽³⁾ სამბთქეველი; ⁽⁴⁾ ძტელი; ⁽⁵⁾ შემეწია ⁽⁶⁾ დავასტენე; ⁽⁷⁾ დავა ბერგე; ⁽⁸⁾ გა-ცა-ბრწყინდა; ⁽⁹⁾ გამოიკსნა; ⁽¹⁰⁾ გელესისა; ⁽¹¹⁾ მოხვიდეთ; ⁽¹²⁾ ალახტენით; ⁽¹³⁾ მო-ვაესენე; ⁽¹⁴⁾ გამარჯტება; ⁽¹⁵⁾ ძლტენია.

21. სიფრიდონცა შეეწია, მაღალიმც-ა მისდა მცველად, შემოსწირა უძლევეარი აუწონლად და უთქმელად. მე, სკმოონს, კელოვანნი სამს წელსა მყევს ხანთ დამზმელად, და განბრწყინდა (1 და გავეათავეთ უძლეველი საქმლეველად.

22. მოვკვდეთ წმიდა გიორგი, მაღალი, თავ-ახატია. ყოვლგნით ანათობს მკურნალე, ვითა ნათლისა სტეტია, საუფლო ქრისტეს ღვთისანი ჩქენსა მას ზედა ხატია; და ხარება, შობა, აღდგომა, ყოველნი ათორმეტნია.

23. მე, სკმოონ დეკანოზმან, გავეათავე დანაპირი, დღიე და ღამით ვიგონებდი, არა მქონდის ღამით ძილი, ამ ტაძრისა სამსახურად არა მქონდა გული ძქარი. და რაჟამს აღეასრულე იგი, [გამი]ნათლდა ნათლად ჩრდილი.

24. ქალწულო, შენზედ მოვიდა ღმერთი მაღალი ნებიითა. მისნი მოსავნი ეიკენით (2 მისითა განკაცებითა. ზღუდე ხარ ქრისტიანეთა. ამისთვის გაქებთ ქებითა. და მეც შემეწყალე სკმოონ გიორგის მეოხებითა.

25. დასაბამითგან (3 გზღუბივართ. ქებით ვართ მოკამათენი, ჩვენ გუტქნებიან (4 ცლოტენი). ვყოფილ . . . . .

Академия Наук Грузинской ССР
Институт языка им. акад. Н. Я. Марра

(Поступило в редакцию 10.9.1941)

ფილოლოგია

ილია აბულაძე და ქრ. შარაშიძე

რუსთაველის სახელისა და სადაურობისათვის

რეზუმე

საქართველოს მუზეუმის პალეოგრაფიული განყ—ბის H ფონდის ხელნაწერებზე მუშაობისას 1940 წლის მარტში აღმოჩნდა ზემორე მოყვანილი დოკუმენტი, რომელიც რუსთაველის სახელისა და სადაურობისათვის ჩვენი შეხედულებით გარკვეულ ჩვენებებს გვაწვდის.

ისტორიული ხასიათის სხვა დოკუმენტთან ერთად ჩვენი ძეგლი იძლევა მტკიცე საფუძველს დაეასკვნათ:

1. XV ს-ის მესხი მეხოტბე სიმეონ შოთასძე (ანუ შოთასშვილი), წარმომადგენელი ერთ-ერთი ისეთი მესხური საგვარეულოსი, რომელიც დიდგვარიანებს არ ჰქუთენებია, თავის თავს XII—XIII ს. დიდი ქართველი პოეტის ჩამომავლად აცხადებს. ამდენად,

2. დიდი ქართველი პოეტის სახელის (შოთას) უძველესი ხსენება დამოწმებული ჩანს XV ს-ის ლიტერატურულ დოკუმენტში.

В рукописи: (1) განბრწყინდა; (2) ეიხენით; (3) დასამობითგან; (4) გუტქნებიან.

რამდენადაც რუსთაველის სახელის მიმართ ჩვენი ძეგლი მხარს უჭერს ტრადიციულ შეხედულებას, რომელსაც XVII—XVIII სს-ის ავტორებთან ვხვდებით, იმდენად შოთაშვილების მესხობის გამო შესაძლოა ვივარაუდოთ, რომ სრულიად შემთხვევითი არ უნდა იყოს ის ტრადიცია. რომელიც რუსთაველს მესხად სთვლის.

ჩვენს ძეგლს ქართული ლიტერატურის ისტორიისათვის, გარდა იმისა, რომ პირველ ცდას წარმოადგენს რუსთაველური შაირის დანერგვისას სასულიერო პოეზიაში, ის მნიშვნელობაცა აქვს, რომ ის მომდინარეობს ისეთი წყვედიადით მოკული ხანიდან, რომლიდანაც ჩვენამდის თითქმის არავითარ ლიტერატურულ შემოქმედებას არ მოუღწევია. ეს კი ნათლად მოწმობს იმას, რომ ქართველი ხალხის შემოქმედებითი ენერგია არ ყოფილა დაშრეტილი არც მონგოლების ჩაგვრისა და მათ მომდევნო ხანის ეპოქის სიავის დროს.

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
აკად. ნ. მარის სახ. ენის ინსტიტუტი

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА—ციტირებული ლიტერატურა

1. Георгий Мерчул. Жизнь св. Григория Хандзгийского, груз. текст, введение, издание, перевод Н. Марра... СПб, 1911.
2. ივ. ჯავახიშვილი. ახლად აღმოჩენილი „ქართლის ცხოვრება“ და თამარ მეფის მეორე, აქამდე უცნობი, ისტორიკოსის თხზულება (ტფ. უნივერსიტეტის შობაზე III, 1923 წ., 186—216. ნ. აგრეთვე В. Дондуа, Басили, историк шарицы Тамары, 33—76 (Памятники эпохи Руставели, Госуд. Эрмитаж, Ленинград, 1938 г.).
3. Илья Абуладзе. К вопросу об историческом произведении Шота Руставели. «Сборник Руставели», изд. Груз. Филиала АН СССР, Тбилиси, 1938, стр. 161—169.
4. К. С. Кекелидзе. Конспективный курс истории древне-грузинской литературы. Изд. Тбил. Гос. Университета им. Сталина, Тбилиси, 1939, стр. 61. Сравн. также В. Гольцев. Шота Руставели и его поэма, Москва, 1940, стр. 46—56.
5. ს. კაკაბაძე. კვლევა-ძიებანი საქართველოს ისტორიის საკითხების შესახებ: „მე-XIV—XVI საუკუნის მესხეთის თავადების სია“, გვ. 7—11. თბილისი, 1920.
6. М. А. Полиевктов. Посольство Толочанова в Имеретию 1650—1652 гг. Изд. Тбилисского Гос. Университета, Тбилиси, 1926, стр. 81.
7. ს. კაკაბაძე. ისტორიული საბუთები, წიგნი II, თბილისი, 1913, გვ. 47—48.
8. Description géographique de la Géorgie, par le Tsarévitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe, par M. Brosset, SPB, 1842, p. 362.